

АНДРЕЙ ПАНЧЕНКО

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

ЧУЖАЯ
ТЕРРИТОРИЯ

18+

Андрей Панченко

Чужая территория

Серия «Работа над ошибками», книга 5

<https://litres.ru/74021849>

SelfPub; 2026

Аннотация

Афганистан остался позади, он выжил на войне и вернулся домой. Вот только родная страна изменилась. У себя на Родине он чувствует себя как на боевом выходе в тылу врага - вокруг чужая территория. Опять война, только на этот раз противник говорит по-русски, а линия фронта проходит прямо по улицам родного города. Когда на Сергея начинают охоту бандиты, выясняется, что боевой опыт и фронтовая дружба могут оказаться полезнее любых связей и денег.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Панченко

Чужая территория

Глава 1

- Это что же твориться-то, люди добрые?!

Удар палкой по спине оказался не столько сильным, сколько неожиданным. Я ведь стоял и никого не трогал, спокойно ждал своей очереди в буфете аэропорта, чтобы купить себе пожрать.

Я мгновенно развернулся к обидчику. И застыл на месте, не зная, как реагировать. Передо мной стояла сторбленная бабка, держащая в трясущейся руке трость.

- Да как ты смеешь поганец. – Бабка снова занесла для удара свою трость - За эти награды фронтовики кровь проливали, а ты сопля зеленая, их на себя нацепил! Да хоть бы одну две, так ты сразу пять! На!

Я легко увернулся от палки, а вокруг уже собралась толпа любопытных, мнения которых на счёт действия бабки разделились.

- Так ему! – Поддержал бабку толстый мужик в очках, впрочем, ко мне не приближаясь, держась в стороне – Правильно! Заслужи их вначале сопляк, а потом носи. Никакого уважения к ветеранам!

- Да отстаньте вы от парня! – Заступилась за меня какая-то тетка – Может его это значки. У моей подруги сын из Афганистана вернулся, так у него тоже медаль была!

- Милицию надо позвать! Лоб какой здоровый, а с бабушкой дерётся! Никакого воспитания! – Встала на сторону бабки почти её точная копия, только размером побольше. – Милиция!

Я ещё думал, что предпринять и как на это всё реагировать, как за спиной окруживших меня людей нарисовался патруль. Нет, не милицейский – военный.

- Товарищ старшина, предъявите документы!

Я машинально полез во внутренний карман кителя и протянул старшему патруля военный билет. Тот раскрыл его без особого интереса, он бегло пролистал страницы и снова посмотрел на меня. Его взгляд опустился на ордена и задержался там заметно дольше, чем следовало. Бабка тем временем не унималась.

- Проверяйте его, товарищ офицер! Наворовал где-то награду и ходит!

- Разберёмся.

Старший лейтенант произнёс это спокойно, но смотрел на меня странно, как на человека, которого очень хочется поймать на чём-нибудь незаконном. Вот именно это его явное негативное отношение было для меня непонятным. Он же офицер, военный, он же в отличии от вот этой вздорной бабки должен знать про Афганистан и войну. За речкой, при

взгляде на мою грудь любой офицер тут же становился предельно уважительным и вежливым. Да в том же Ташкенте, когда я добирался от пересылки до аэропорта, то ловил на себе только теплые, и даже благоговейные взгляды, а тут в Москве, куда я попал проездом

Хотя, что именно его смутило, я понял почти сразу. Старшина, девятнадцать лет и четыре ордена с медалью. Со стороны действительно выглядело странно. Особенно для человека, который никогда не был в Афганистане.

- Документы на награды есть?

- Есть. - Ответил я не по уставу. Я уже уволен в запас, и мне в принципе на него похер, скандала только не хочется.

Я достал из вещмешка сложенную папку. После госпиталя все наградные документы я возил с собой отдельно, но так чтобы они всегда были под рукой. Как оказалось, не зря. Офицер забрал удостоверения и начал изучать бумаги.

С каждой новой страницей выражение его лица становилось всё мрачнее. Вокруг уже собралась приличная толпа, люди ждали развязки. Одни явно надеялись увидеть разоблачение наглого самозванца. Другие наоборот начали поглядывать на меня с некоторым уважением. Особенно после того, как офицер дошёл до орденских книжек. Там уже особо спорить было не о чем.

Да и с чем спорить? Всё оформлено как надо. Фотография, печати, номера наград, фамилия. Всё сходилось. Но отпускать меня старший лейтенант явно не хотел. Он закрыл

последнюю книжку и посмотрел на меня долгим взглядом.

- И откуда столько?

Вопрос прозвучал вроде бы спокойно, но интонация мне не понравилась. Будто не спрашивал, а обвинял. Его вопрос звучал как претензия. Я пожал плечами.

- Служил.

- Все служили. – Скривился офицер – Но я в первый раз такое вижу. Отвечайте старшина, где именно служили.

- Там – Я кивнул головой на военный билет – Код стоит. Вы должны знать, что он означает. А ещё там есть запись о месте службы и штамп, о предоставлении льгот. Награды и ранения так же там записаны. Об остальном говорить не имею права, давал подписку.

Вот тут окружающие начали переглядываться. То, что я спокойно и без вопросов предъявил документы на каждую из своих наград, заставило заткнуться даже самых горячих моих противников. Вот только патрульный удовлетворенным моими ответами не выглядел.

Старший лейтенант был лет на пять старше меня. Чистый, выглаженный, сытый. Судя по всему, служил где-то здесь, в округе и орденов на его груди не было вообще. Зато на моей висело столько железа, сколько некоторые офицеры за всю свою службу не получали. Похоже, именно это патрульного и раздражало.

Он не отдавал мне орденские книжки, снова и снова их перелистывая, будто надеялся, что они окажутся поддельны-

ми.

- Красное Знамя, Красная Звезда, еще одна Красная Звезда...

Он посмотрел на меня.

- И всё это в девятнадцать лет? Когда успел то?

Я почувствовал, как начинает закипать раздражение. То что это тыловое чмо проверяло у меня документы, ещё куда не шло, это его работа, но то, что он явно искал повод прицепиться, было видно сразу, и он почти этого не скрывал. Причём искал повод из принципа. Словно сама мысль о том, что какой-то срочник мог получить такие награды, казалась ему личным оскорблением.

- Товарищ старший лейтенант, это же Серёгин – Вмешался один из патрульных.

- Я читал его фамилию! – Раздраженно повернулся офицер к сержанту – И что дальше, если Серёгин?

- Нам на политзанятиях статью о нем читали: «Три звезды разведчика». – Быстро заговорил сержант – Ему все три звезды в один день вручили, в госпитале, где он после тяжёлого ранения лежал. Он в Афганистане в разведке служил. Пленных там взял, отход товарищей раненый прикрывал

Сержант заткнулся на полуслове, встретившись взглядом со старлеем. Офицер посмотрел на сержанта как на врага народа. Его вмешательство старлею явно не понравилось. Он собирался уже что-то ответить резкое, но снова вмешалась боевая бабка.

- Это что же делается?! Заслуженный ветеран, раненый, а ты его, крыса тыловая, проверять тут вздумал?! Верни документ парню! Такой молоденький, а уже герой, а ты жопу отъел, в дверь не проходит! Иди сынок, без очереди иди, мы тебя пропустим. Правда же пропустим?!

Толпа неожиданно поддержала бабушку дружным гулом.

- Правильно говорит!

- Совсем совесть потеряли!

- Парня полчаса мурыжат!

- Документы показал? Показал! Отстаньте уже от человека!

Старший лейтенант заметно побледнел. Ситуация начала выходить из-под контроля. Ещё минуту назад люди смотрели на меня с подозрением и злостью, а теперь так уже смотрели на него. Бабушка же окончательно почувствовала поддержку.

- Верни документы! Немедленно верни! Нашёлся проверяющий! Сам-то где воевал?

Офицер стиснул зубы и протянул мне военный билет и орденские книжки. В этот момент через толпу наконец протиснулись двое милиционеров. Похоже, кто-то всё-таки успел их вызвать.

Старшина милиции быстро разобрался в ситуации. Проверил мои документы, пролистал военный билет, посмотрел удостоверения к наградам и устало вздохнул. Видно было, что он уже понял всё с первых минут. Потом вернул мне бумаги.

- Всё в порядке.

После этого он ещё несколько минут выслушивал возмущённые выступления граждан. Одни ругали военный патруль. Другие вспоминали Афганистан. Третьи рассказывали про своих знакомых, племянников и соседей, которые служили за речкой. Минут через десять, когда все утомонились, старшина милиции отвёл меня немного в сторону.

- Совет дать?

- Давайте.

- Переоденьтесь в гражданское.

Я нахмурился.

- Зачем?

- Или награды снимите.

- Зачем?

Старшина пожал плечами.

- Чтобы до вас больше не докапывались. Особенно военные патрули.

Я несколько секунд смотрел на него. Он говорил совершенно серьёзно. Не издевался и не шутил. Он именно советовал. И по его лицу было видно, что делал он это из лучших побуждений. Ему меня было жалко

- То есть я должен прятаться? – Сжимая кулаки спросил я.

Милиционер тяжело вздохнул и отвел взгляд.

- Я не говорю, что должны. Я говорю, как проще будет. Хотя бы домой вернётесь без приключений.

Проще. Вот это слово меня почему-то разозлило больше

всего. Не бабка с патрульным, не вся эта идиотская история, а именно это спокойное «проще». Я два года лазил по горам, получал ранения, терял друзей, а теперь мне советуют снять награды и переодеться, чтобы не раздражать окружающих. Потому что так будет проще.

Старшина, видимо, понял, о чём я думаю, но спорить не стал. Да и что тут спорить. Он снова тяжело вздохнул, пожал мне руку и ушёл к своим, а я стоял возле буфета, стараясь справиться со своими нервами. Находиться тут, в окружении всех этих людей уже не хотелось, да и настроение было окончательно испорчено.

Я молча убрал документы обратно в папку, закинул вещмешок на плечо и пошёл к своему выходу. Есть хотелось зверски, но ещё сильнее хотелось понять одну простую вещь. Когда именно всё перевернулось? Когда солдат с орденами на груди вдруг начал вызывать у людей больше подозрений, чем уважения? И почему я должен оправдываться за собственные награды?

Переоделся я в туалете. Свой парадный китель с наградами я раздраженно закинул в мешок, даже не заботясь о том, чтобы его нормально сложить. Прыжковые ботинки пошли туда же. Хорошо, что в Кабуле мы с Максом всё же купили гражданскую одежду

Джинсы Levis пакистанского пошива, кожаный ремень, кроссовки Adidas, хлопчатобумажная футболка тоже с принтом Adidas, спортивная куртка-олимпийка, и часы Montana,

заняли место парадной формы. Я надел темные очки и посмотрел на себя в зеркало. Оттуда на меня смотрел какой-то бандит, из девяностых, а не заслуженный старшина орденоносец. Аж плюнуть в зеркало захотелось.

Но всё же старшина оказался прав. Едва я вышел из уборной в своем новом прикиде, отношение окружающих ко мне явно изменилось. С одной стороны я слился с толпой таких же гражданских пассажиров, а с другой, внимание окружающих я всё же притягивал. Но смотрели они на меня теперь по-другому. Молодые девушки бросали на меня взгляды с явным интересом, мужики помоложе смотрели с завистью, а люди преклонного возраста едва ли не под ноги мне плевали. Импортные, новые шмотки, которые сейчас в большом дефиците, вызывали зависть.

Самолет на Казань отправлялся ещё не скоро, и мне пришлось провести это время в зале ожидания аэропорта. С Максом мы расстались ещё утром. Он улетел в наш родной город, а мне предстояла поездка к Равилию, который в каждом письме зазывал меня к себе в гости, где я должен был ждать от Макса вестей.

Для меня всё происходящее не было неожиданностью. Вернее, неожиданностью оно было для девятнадцатилетнего Серёгина. Но не для человека, который прекрасно знал, что ждёт впереди.

Про афганский синдром я читал ещё до того, как попал в это время. Знал и про отношение к ветеранам, и про то, как

многие из них будут спиваться, пытаться найти себя или просто не смогут нормально вписаться в мирную жизнь. Знал, что многие попадут в тюрьму, встав на скользкую дорожку криминала. Знал, что через несколько лет про Афганистан вообще постараются лишний раз не вспоминать.

Только одно дело знать и совсем другое - столкнуться с этим лично. Там, в книгах и статьях, всё выглядело как сухие строчки текста. Здесь же какая-то бабка лупит тебя палкой по спине, офицер смотрит как на мошенника, а милиционер советует спрятать награды подальше.

И ведь по сути никто из них не желал мне зла. Если мыслить трезво. Вот что раздражало больше всего. Бабка была уверена, что защищает память фронтовиков, милиционер искренне пытался помочь и даже патрульный, скорее всего, считал себя борцом за справедливость. Никто не был злодеем. Но от этого легче почему-то не становилось.

Я сидел на жёстком пластиковом кресле и смотрел через огромное окно на стоявшие возле терминала самолёты. Раздражение никак не проходило, причём злость была какая-то тупая, бесцельная. Не на конкретного человека. Вообще на всё сразу. На этот блядский аэропорт, на гребанную Москву, на новую жизнь на гражданке и на самого себя. Особенно на себя.

Я ведь, в отличии от других ветеранов Афганистана прекрасно понимал, что со мной происходит. Всё это нервы после войны, постоянное напряжение последних лет, усталость

и потеря привычной среды. Всё это как раз потом и назовут Афганский синдром.

Ещё неделю назад всё было просто и понятно. Подъём, приказ, выход, возвращение. Свои рядом, чужие в горах, и за границей с Пакистаном, а сейчас я сидел посреди огромного аэропорта и понятия не имел, что буду делать через месяц. В Афганистане можно было погибнуть в любой день, но при этом я точно знал, чем буду заниматься если выживу. А сейчас? Я даже не знаю кто я такой.

Дембель, бывший зек, который умер в своем времени, бывший бизнесмен, бывший старшина, бывший разведчик из спецназа ГРУ. Это даже звучало как-то глупо, слишком много слова «бывший».

Я достал из кармана пачку сигарет, которую купил ещё в Кабуле, и покрутил её в руках. Курить после госпиталя я бросил, но иногда привычка всё ещё давала о себе знать.

Рядом какая-то семья провожала родственников, кто-то смеялся, дети носились между креслами. Обычная жизнь, которая теперь казалась чужой.

Впрочем, жалеть себя я не собирался, это была плохая привычка и в спецназе от неё быстро отучали. Есть проблема - решай. Если пока нет решения – думай как сделать, а не накручивай себя. Поэтому я откинулся на спинку кресла и заставил себя думать о более полезных и позитивных вещах, например, о Равиле. Он наверняка уже приготовил целую культурную программу на неделю вперёд. И о Мак-

се. Интересно, как его встретят дом, добрался ли он вообще нормально. Сможет ли он, хоть что-то узнать о моем деле?

От этих мыслей стало немного легче. Не сильно, но достаточно, чтобы перестать злиться на весь мир сразу.

- Гражданин, предъявите ваши документы!

От раздумий меня отвлек знакомый голос. Я отвел взгляд от окна, и с удивлением уставился на знакомого старшину милиции. Секундная пауза, и он меня тоже узнал. На его лице отразилось смущение. Я криво усмехнулся.

- Меньше докапываться будут говоришь?

- Чёрт Извини. - Старшина плюхнулся на свободное кресло рядом со мной – Не узнал тебя сразу, богатым будешь.

- И что на этот раз со мной не так? – Вздыхнув спросил я – Вроде я выполнил твой совет. Снял форму и это говно на себя нацепил.

Старшина потер ладонью лицо и покосился на мой вещмешок.

- Да всё с тобой так. Просто вид у тебя теперь сам понимаешь.

- Нет, не понимаю. – Начал заводиться я – Я вообще уже нихрина не понимаю.

- Ты в импортном весь, очки тёмные, а вещмешок армейский И лицо злое. Подозрительно. – Принялся объяснять милиционер - Так либо фарцовщики, либо жулики выглядят. Тут этой грязи развелось мама не горюй. А с нас потом начальство спрашивает.

- Отлично. – Я горько усмехнулся - В форме я мошенник с чужими орденами, а в гражданке я жулик. Может, мне голым ходить? Хотя нет, тогда в извращенцы запишут.

Старшина поморщился.

- Слушай, да не заводись ты. Я же не со зла. У нас тут план, проверки, начальство гоняет. Всех подозрительных дёргаем. Ты сидишь один, на людей смотришь как на врагов народа, вот я и подошёл.

- Я на самолёты смотрел. – Покачал я головой – Нахрен мне эти люди, глаза бы мои их не видели.

- Со стороны разницы почти нет. – Старшина не вежливо ткнул пальцем в моё лицо - Ты в темных очках вообще-то.

Он сказал это без издёвки, даже немного виновато. Я выдохнул и заставил себя разжать кулаки, которые непроизвольно сжал, сам того не замечая. Старшина заметил это, но сделал вид, что ничего не видел.

- Ладно. Ещё раз извини. День у тебя сегодня не задался конечно...

- Бывали деньки и похуже. Тут по крайней мере меня никто убить не пытается. – Попытался пошутить я через силу.

- Верю, - кивнул он головой. - Только совет всё равно прежний. С маленьким дополнением. Не цепляйся ни с кем, люди сейчас нервные. И ты нервный.

- Заметно?

- Очень.

Я хотел огрызнуться, но передумал. Старшина был прав.

Злость из меня сейчас торчала во все стороны, как шипы из колючей проволоки. Сам бы я к такому пассажиру тоже при-смотрелся.

- Я понял тебя, спасибо.

- Вот и хорошо.

Он поднялся, поправил ремень и уже собирался уходить, но задержался.

- Ты это не думай, что все против вас. У меня двоюрод-ный брат в Кандагаре служил. Вернулся вообще, как буд-то другим человеком. Мать его первое время вообще боялась, потому что он по ночам вскакивал и на кухню с ножом бегал. Потом вроде отпустило. Так что я не из тех, кто не понимает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.